

УДК 821.162.3; 821.161.1
DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.17

Э. Г. Задорожнюк

Д. П. Святополк-Мирский о славянстве

Задорожнюк Элла Григорьевна
Доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: elzador46@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2328-810X

Цитирование

Задорожнюк Э. Г. Д. П. Святополк-Мирский о славянстве // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 313–333. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.17

Статья поступила в редакцию 13.05.2023.
Рецензирование завершено 30.08.2023.
Статья принята к публикации: 12.03.2024.

Аннотация

Освещается место славянства в творчестве Д. П. Святополк-Мирского, сначала евразийца, а затем марксиста. Отмечена ключевая роль русистики в его славистических исследованиях и утверждается, что подавляющая часть мыслей и оценок Святополк-Мирского относительно истории русской литературы до сих пор полноценно не изучена. Весомые результаты по украинистике были представлены в его статьях 1920-х гг. и в статье в «Британской энциклопедии»; он одним из первых осветил там же проблемы белорусистики. Рассмотрено и оценено его наследие как (гео)политического мыслителя и исследователя культуры и литературы других славянских народов, представленных неравномерно: о поляках им написано много, а о южных славянах почти ничего, но все-таки при их рассмотрении можно обнаружить не только меткие наблюдения и оценки, но и оригинальные идеи.

Ключевые слова

Д. П. Святополк-Мирский, русистика, славянский вопрос, история русской литературы, украинистика, белорусистика, западнославянские народы, южные славяне, западничество, «общесоветская культура», славянофильство.

Немногим более 100 лет тому назад князь, гвардейский офицер, участник Первой мировой и Гражданской войн, а ранее студент, изучавший восточные языки, поэт-символист Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (1890–1939) стал одним из высокопродуктивных сотрудников появившейся в 1915 г. при Лондонском университете Школы славянских и восточноевропейских исследований. В числе его близких предков были русские и грузины, поляки и немцы. Мать князя, графиня Е. Бобринская, как известно, была правнучкой Екатерины II. А в число семейных имений входил замок Мир в Белоруссии, откуда и приставка к известной фамилии, сближавшая князей с рюриковичами, хотя принадлежность к таковым документально не подтверждена. Семья отца князя П. Святополк-Мирского, бывшего одно время премьер-министром Российской империи, проживала в имении Гиевка недалеко от Харькова.

Эти сведения приводились в ответ на приглашение уникальному специалисту преподавать в указанной Школе специалиста, который, кроме того, знал несколько европейских языков, а на английском писал труды, до сих пор востребованные славистами и просто читателями. Еще часть упомянутой рекомендации – наличие дипломов, а точнее, замещавших их документов об изучении филологических дисциплин в Петербургском и Харьковском университетах.

Школу организовал уже тогда видный славист Р. Сетон-Уотсон (1879–1951) под влиянием пребывавшего там профессора Т. Г. Масарика, будущего президента Чехословакии, который при открытии Школы 19 октября 1915 г. выступил с речью в присутствии британских политиков самого высокого ранга¹. С 1919 г. Школа получила новый импульс к развитию, когда ее возглавил Б. Пэрс (1867–1949), который учредил в 1922 г. журнал «Славянское обозрение» (с 1928 г. – «Славянское восточноевропейское обозрение»), до сих пор считающийся авторитетным славистическим изданием. Именно он по рекомендации слависта М. Беринга (1874–1945) и пригласил в Школу Святополк-Мирского – сравнительно мало известного эмигранта, побывавшего в концентрационном лагере для интернированных войск генерала Н. Бредова в Польше, краткое время жившего в Болгарии, а затем перебравшегося вместе с матерью в Афины. Вскоре

¹ *Абрамов М. А., Лаврик Э. Г., Малевич О. М.* Томаш Гарриг Масарик: жизнь, дело, учение // Масарик Т. Г. Россия и Европа. СПб., 2004. Т. 2. С. 603. В 2005 г. президент Чехии В. Клаус приезжал на открытие нового здания Школы и тоже выступил там с речью.

Святополк-Мирский стал одним из ведущих русистов и славистов в англосаксонском мире, так что его поручители и руководство Школы не прогадали.

Несколько слов о них. Публицист, историк, пропагандист и разведчик Р. У. Сетон-Уотсон тщательно изучал славянские народы, входившие в состав Австро-Венгерской империи, он особо защищал от мадьяризации словаков, за что позднее удостоился памятника в г. Ружемберок. Пэрс еще в 1898 г. слушал лекции В. Ключевского в Москве, но считался лишь военным корреспондентом в воевавшей в двух войнах России – Первой мировой и Гражданской. Он любил позировать в казацких сапогах и папахе; был в 1919 г., правда, недолго, консультантом адмирала А. Колчака. Со Святополк-Мирским он окончательно разошелся в 1931 г., когда князь стал членом Коммунистической партии Великобритании, в а 1932 г. переехал в СССР.

Пэрс в 1907 г. посетил Гиевку, а в 1934 г. побывал в СССР. Беринг тоже был корреспондентом и также гостил в имении Святополк-Мирских в Харьковской губернии. Он постоянно говорил и писал о своей любви к России, чему не мешали его интересы профессионала-разведчика.

Новый преподаватель Школы стал одним из ее ведущих сотрудников, а также постоянным автором «Славянского обозрения»; статьи князя появлялись там даже после его перехода на позиции марксизма. Авторитет его был весомым в аристократически кругах из-за принадлежности к княжескому роду, а в кругах интеллектуальных – вследствие поражавшей всех эрудиции и остроты мысли. Этот авторитет укрепился после выхода двух англоязычных книг в 1926 и 1927 г. В 1942 г. они вышли единым изданием, а лишь в 1992 г. впервые были переведены на русский язык под названием «История русской литературы с древнейших времен до 1925 года»². Она-то и стала фундаментальным трудом в англоязычной русистике, не утратив

2 Перевод на русский язык двух книг: *Mirsky D. S. Contemporary Russian Literature, 1881–1925*. London, 1926 и *Mirsky D. S. A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)*. London, 1927 издан в одном томе: *Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года* / пер. с англ. Р. Зерновой. London, 1992. В статье приводятся цитаты по переизданию перевода: *Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен до 1925 год* / пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск, 2005.

своего значения до наших дней. В освещении проблем украинистики он конкурентов практически не имел; что же касается белорусистики, то князь первым представил ее проблематику для западноевропейского научного мира. Касался Святополк-Мирский также вопросов истории и культуры западно- и югославянских народов, высказываясь о них немногословно, однако ярко, убедительно, хотя зачастую и ультрапарадоксально.

Славистическое наследие Святополк-Мирского до сих пор полностью не изучено, несмотря на множество посвященных ему работ на разных языках. Они в основном касаются его классических трудов по истории русской литературы, которые выходили изначально на английском языке и служили всего лишь пособием для слушателей Школы. Хотя для всесторонней оценки его вклада в русистику потребовалось бы объемное исследование, превышающее формат не только статьи, но и добротного монографического исследования.

Славянский вопрос не находился в центре его научного внимания, проблемы других стран и культур Европы Святополк-Мирский рассматривал лишь в ракурсе их отношений с Россией. Еще в 1925 г., в одном из интервью, он заявил: «Меня не интересует Европа, с ней покончено. Меня интересует Россия»³.

Но все же вклад в зарубежную украинистику Святополк-Мирского можно считать весомым с учетом того, что англоязычные слависты стали изучать ее позже. Те же Беринг и Пэрс, посещая Гиевку, считали, что они были в Российской империи, а не на Украине. Ею углубленно интересовались скорее немецкоязычные слависты; за теми из них, кто жил и творил в Австро-Венгрии, даже тянулась слава создателей украинской нации. Германские же слависты подключились к ее глубокому изучению как своей потенциальной колонии после Брестского мира, хотя уже Ноябрьская революция 1918 г. в Германии притушила их интерес.

Данные соображения следует учитывать при рассмотрении (гео-)политических разработок Святополк-Мирского, касавшихся проблемы Украины в ее постреволюционном статусе. Эти проблемы Украины в их соотносительности с проблемами России затрагивались в статьях в англо-, франко- и германоязычных журналах, в монографических

³ Цит. по: *Святополк-Мирский Д.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск, 2005. С. 335.

трудах «Россия: социальная история» (1926) и «Ленин» (1931), а также в публикациях газеты «Евразия». Размышляя на ее страницах о культурном сожительстве двух народов, Святополк-Мирский предполагал, что национальные проблемы будут исчезать при усилении «объединяющих моментов общесоветской культуры»⁴, при этом он подчеркивал, что украинский язык никак не может стать языком межнационального общения.

К этим мыслям Святополк-Мирский пришел не сразу. Нельзя выделить ключевого тезиса (гео)политического характера из его очерка об Украине, напечатанного в 1923 г.: «Итоговый результат революционных лет для украинской идеи можно суммировать следующим образом. Народ Украины привык к тому, что одни назовут анархией, а другие – свободой. Но эта свобода – исключительно местная. Крупнейшей территориальной единицей “независимости” во многих случаях была деревня, иногда – уезд. Это устраняет возможность когда-либо восстановить централистское правительство, которое бы не воспринималось как враждебная и чуждая власть. В этом смысле Украина доказала свое право на самоопределение. Но она не смогла доказать свое право как национальное и единственно возможное единство. Идея единой и антирусской Украины рухнула. И будущее украинской политической мысли может лежать единственно в развитии идеи местного самоуправления в пределах большой (и возможно свободной) федерации. Что же до большевиков, то, сколько бы ни продлилась их власть, они не смогут быть ничем иным, кроме как тонкими (хоть и хорошо сплетенными) сетями военного деспотизма»⁵.

Эти мысли были высказаны в ходе политики «коренизации», объявленной в апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б) официальным курсом партии в национальном вопросе, – полунасильственного введения украинского языка в качестве обязательного для русско- и иноязычных граждан. Святополк-Мирский признавал бесперспективность такого рода усилий, а его приведенное выше утверждение относительно безальтернативного доминирования языка русского в «общесоветской культуре» прозвучало за три-четыре года до сворачивания политики коренизации в 1933–1934 гг.

4 Цит. по: *Ефимов М., Смит Дж.* Святополк-Мирский. М., 2021. С. 474.

5 Д. П. Святополк-Мирский: историк и исторический публицист // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2014–2015. М., 2015. С. 370.

На таком фоне суждения о конструктивном воздействии южно-русского начала на литературу и культуру Московского царства и начальных периодов становления Российской империи могут показаться политически не взвешенными и культурологически некорректными. И не в меньшей мере – рассуждения о траектории развития самостоятельной украинской литературы. Апологет идеи Великой России все же излагает их в чем-то с преувеличенным вниманием, прослеживая моменты рецепции лучшего из указанных культуры и литературы и оценивая их в позитивном ключе – без какого-либо ущерба для авторитета русской литературы и общероссийской культуры. Разговаривало же русское дворянство на французском, а бюрократия и ученые (вплоть до Ломоносова) – на немецком.

О том, что юг Древней Руси был местом рождения начал общерусской литературы, Святополк-Мирский писал в начальных разделах «Истории русской литературы». Важнее другое: он утверждает, что там же, на юге России, возник новый импульс развития литературы, ознаменовав конец древнего периода ее истории. Он завершился принятием Люблинской унии в 1569 г. и вытекавшей из нее унии Брестской в 1596 г.⁶

Идеолог православных братств Иван Вышенский (1586–1614) представлял простых монахов, но в таком же направлении трудился Петр Могила, митрополит, основавший в 1632 г. Киево-Могилянскую академию. Как раз ее выпускники переносили западные влияния на Москву еще до Петра. Через Академию в конце первой четверти XVII в. происходило усвоение польско-латинских форм эпической поэзии и драмы, а параллельно – образцов полемической литературы; ее учениками был освоен «метод борьбы с противником его же оружием»⁷. А таковым всегда оставалась Польша, и победа над нею, по словам Святополк-Мирского, сопровождалась перемещением центра влияния западничества из Киева в Московию.

⁶ Следует заметить, что по не совсем понятным причинам Святополк-Мирский отнес вторую дату к первому событию – одна из немногочисленных его фактических ошибок. В целом смещение дат не мешает его изложению; так, И. Вышенского, жившего до Аввакума, Святополк-Мирский аттестует как «нечто вроде смягченного украинского Аввакума» (*Святополк-Мирский Д. История русской литературы... С. 79*). Это немалая похвала: для Святополка-Мирского указанный русский писатель был одной из наиболее ярких фигур, пожалуй, всей допушкинской эпохи.

⁷ *Святополк-Мирский Д. История русской литературы... С. 79.*

Обсуждение путей этого влияния и сегодня читается с немалым интересом, особенно пункты сочетания польскости и украинства в процессах европеизации. Как резюмирует Святополк-Мирский в своей англоязычной социальной истории России, «польское влияние, которое играло столь значительную роль в европеизации России, почти полностью исчезло после 1700 г. и никогда не возродилось. Но и русское влияние никак не могло укрепиться в Польше»⁸.

Из Польши через Украину вместе с учениками Киево-Могилянской академии пришли, как отмечает Святополк-Мирский, стихи – сначала панегирические и дидактические, а затем сатирические и даже любовные. Подобным же образом появилась и драма – сначала школьная, затем переводная и комическая. Поначалу на них осуществлялась опора в развитии культуры, но оказалось, что вводимые ее формы и образцы отставали от темпов реформ Петра. Все же и после введения голландского, немецкого и французского начал в культуре эти влияния сохранялись. Так, «три архиерея украинского происхождения, выращенные в латинских методах Киевской академии»⁹ – Дмитрий Туптало (1651–1709), Стефан Яворский (1658–1736) и Феофан Прокопович (1681–1736) – вписаны в «Историю русской литературы» как апологеты самодержавия, причем последний «первым обратился к Италии», а не к Польше, как источнику культурных влияний. Указанные малороссы становились более чем великорусскими духовными водителями.

Указанный же итальянский след не исчез: сначала в русской литературе появилось переложение «Энеиды» Вергилия в 1791 г. Осиповым, и лишь после этого за нее взялся И. Котляревский, что ознаменовало в 1798 г. «начало новой украинской литературы». Так что, согласно Святополк-Мирскому, в Полтаве перелицовывали римскую поэму, уже перелицованную в Москве.

Среди литераторов середины XIX в. Святополк-Мирский выделяет группу «сентиментальных гуманистов»; в их числе этнический украинец, но русский писатель Д. Григорович, этническая русская, но украинская писательница Марко Вовчок. Она вышла замуж за «украинского националиста» А. Марковича и «овладела украинским языком с такой степенью совершенства, что стала признанным украинским классиком»¹⁰, что определило ее творческий путь.

8 *Mirsky D. S. Russia: A Social History. London, 1926. P. 240.*

9 *Святополк-Мирский Д. История русской литературы... С. 82.*

10 Там же. С. 347.

Рассказы ее переводились самим И. Тургеневым, а русскоязычная проза оказалась не столь интересной. Линия Котляревский – Г. Квитка – Вовчок держится Святополк-Мирским в поле зрения, но вот Шевченко в «Истории русской литературы» он упоминает всего один раз, несмотря на то, что тот писал русскоязычные повести и вел на русском языке свой «Дневник».

В статье об Украине Святополк-Мирский больше говорит о художественном творчестве поэта и его политических инспирациях. «Шевченко, – пишет он, – был поэтом с ограниченным кругозором, и когда в поздние годы он пытался обратиться к более широким и не столь узконациональным темам, результат оказался достойным сожаления. Но его ранняя патриотическая поэзия драгоценна, и вполне естественно, что все, кто любит Украину и украинское, преувеличивали значение Шевченко и превратили его в символ национальной независимости и собственной правоты. Шевченко – это призывный клич для всех украинских националистов, и первое, что делают украинцы, когда приходят к власти, это развешивают портреты Шевченко во всех школах, почтовых отделениях, сберегательных кассах, железнодорожных станциях, до которых могут добраться»¹¹. Беда в том, считает критик, что в российской части Украины у Шевченко, по сути, не было преемников, все богатство его речи утратилось к концу XIX в., а литература мало делала для утверждения украинской идеи и любви к ней народа. И к началу века XX известный украинский писатель В. Винниченко – всего лишь второразрядный ученик школы Горького, Андреева и Арцыбашева, а поэты вроде Г. Чупринки (1879–1921, расстрелян большевиками) или П. Тычины (1891–1967, одно время председатель Верховной Рады советской Украины) – немногим больше, чем провинциальные парафразы Бальмонта, Блока и Есенина¹².

К несчастью, констатирует Святополк-Мирский, после Шевченко находившая прибежище на нероссийской части Украины литература

11 Д. П. Мирский: историк... С. 363. На наш взгляд, вряд ли стоило бы столь сильно преуменьшать значение обращения Шевченко к более широким темам с учетом и того, что его творчество постоянно находилось в поле зрения самых взыскательных русских писателей – Н. Некрасова и И. Тургенева, Л. Толстого и А. Чехова, И. Бунина и Л. Пастернака.

12 Святополк-Мирский узнавал тогдашнюю украинскую литературу из первых рук, когда обучался в Харьковском университете на филологическом отделении перед переездом в Крым и призывом в денкинскую армию.

подверглась многим деформациям. Уже с 1860-х гг. в Восточной Галиции возникло движение, привлекавшее и элементы, позже ставшие тараном антироссийского украинизма – не без воздействия Австро-Венгрии. «В течение столетий литературным языком объединенных русинов Галиции был макаронический церковнославянский Киевля и Львова. В 19 в. он обнаружил тенденцию к сближению с нормативным русским литературным языком, однако это было не в интересах ни Габсбургской монархии, ни польского большинства Галицкого сейма, ни проримского духовенства греческого обряда. Движение против языкового единства началось в 1860-х гг. и быстро сделало успехи», – констатирует Святополк-Мирский¹³.

М. Грушевский и местные писатели создавали язык, дистанцировавшийся и от нормативного русского, и от устоявшегося украинского. Он был пронизан полонизмами, создавалась научная и культурная лексика, непонятная для воспитанных на русском языке украинцев. «Этот язык был принят австрийским правительством как один из *Landessprachen* (земельный язык) империи. Его преподавали в школах и в Львовском университете, где этот язык стал языком высшего образования, были даже учреждены соответствующие профессуры. В России украинцы-радикалы, чтобы сохранять связь со своим “Пьемонтом”, тоже изучали новый язык»¹⁴.

Крайне интересна статья Святополк-Мирского об украинской литературе для «Британской энциклопедии», которая начинается с утверждения о том, что поскольку украинцы происходят от южных русов, то в Киевский период есть основания утверждать: «русская литература XI–XIII вв. есть в той же мере и украинская»¹⁵. С XIII по XVI в., однако, в ней зияет некий провал, но все же в XVI–XVII вв. в украинской литературе начинают доминировать мотивы «национальной и религиозной борьбы против Рима и Польши». Центр этой борьбы находился в Галиции и на Волыни, она породила полемический гений Вышенского; затем он переместился в Киев и был связан с именем Петра Могилы, который воспринял латинские способы борьбы с латинством. В XVII–XVIII вв. лучшие интеллектуальные силы перебрались в Московию, поставляя ей церковных иерархов и писателей; с этого же времени начало быстро русифицироваться украинское дворянство.

13 Д. П. Мирский: историк...С. 363.

14 Там же.

15 *Encyclopedia Britannica*. London; New York, 1932. Vol. 22. P. 671.

Литература на украинских землях вплоть до начала XIX в. знаменуется известными именами, например, Г. Сковороды, но язык, на котором она создавалась, был смешением украинских, церковнославянских, польских и великорусских элементов. «Энеида» (1798) и «Наталка-Полтавка» (1816) Котляревского хотя и вытекают из уже устоявшейся русской литературной традиции, но фактически вводят новый язык. Импульсы к дальнейшему его развитию дают собрания украинского фольклора, осуществленные Н. Церетелевым и М. Максимовичем, «скорее элегические, чем нарративные», думы и песни собирали впоследствии В. Антонович и М. Драгоманов. Все эти собрания «являются важной вехой первых стадий современного украинского возрождения»¹⁶. Все же после Котляревского украинская литература не превышала уровня «провинциальной домашности» – пока не появился Шевченко. Он придал ей романтический и сельский колорит и вызвал к украинской литературе всеобщий интерес. «Будучи романтическим националистом вначале и революционным интернационалистом в дальнейшем, он стал символом украинской национальности»¹⁷, – утверждал Святополк-Мирский. Русская Марко Вовчок продолжила эту линию.

Преследования украинского движения на российской Украине перенесли его центр после 1876 г. в Галицию, особенно во Львов. Именно там трудились наиболее известные деятели М. Грушевский и И. Франко, Святополк-Мирский упоминает также имена Леси Украинки и М. Коцюбинского. О послереволюционной литературе в статье сказано мало, хотя упоминалось о его встречах с теми же Тычиной и Чупрынкой, равно как и с будущим академиком А. Белецким.

Следует отметить, что если «История русской литературы», а тем более статьи Святополк-Мирского по Украине были предназначены для довольно узкого круга специалистов и студентов-славистов, то статья в «Британнике» адресовалась намного большему кругу читателей. И то, что в ней скомпонованы фрагменты «Истории русской литературы», не отменяет примечательного факта: статья манифестировала украинскую литературу как некую целостность. Она сохранялась в нескольких переизданиях, несмотря на то, что репутация князя-марксиста, казалось бы, должна была привести к ее изъятию.

16 Ibid.

17 Ibid.

Если об украинской литературе и культуре хотя бы частично упоминалось в английской славистике, то обращение Святополк-Мирского к истории литературы белорусской в чем-то уникально для того времени¹⁸.

В статье об Украине Святополк-Мирский выделяет три ветви русской языковой группы: великорусскую, белорусскую и малороссийскую, при этом белорусская мало отличается от великорусской. Адресуя к исследованиям Н. Трубецкого, он пишет: «Фонетическая разница между речью в Минске и Рязани меньше, чем между речью в Рязани и в Архангельске. Однако, с другой точки зрения, если мы исследуем различные культурные влияния на эти две ветви, разница окажется весьма велика. Сильное польское влияние, явно ощутимое в белорусской лексике, отсутствует в лексике великорусской. И именно это, а не просто различие в произношении, столь резко очерчивает границу белорусской ветви; она совпадает с границей Польши до эпохи разделов»¹⁹. Указанное влияние было и на Украине, но национальное возрождение по ряду причин появилось в Белоруссии значительно позже: земля, давшая свой язык государству Великое княжество Литовское, испытала мощное культурное воздействие польского, а затем великорусского начал, в меньшей мере будучи способной противостоять им, чем Украина.

Подробно Святополк-Мирский рассматривает литературу и культуру белорусов в книге «Социальная история России», в которой отмечалось, что слово «белорусы» столь же искусственно, как и «великороссы» и вошло в употребление лишь в XIX в. «До этого белорусы считали себя литвинами – и на фоне реального литовского возрождения это самоназвание выглядит абсурдным»²⁰. Да и в целом, подчеркивает Святополк-Мирский, народы близ Балтии, получившие независимость лишь в XX в., с некой чрезмерностью подчеркивают свою культурную самобытность без достаточных оснований.

Но ранее было не так: даже титульное название страны «*Magnus Ducatus Lituaniae et Russiae*» – свидетельство существования белорусов как государствообразующего народа. После Люблинской унии белорусская шляхта во многом ополячилась, было забыто,

18 На землях Белоруссии размещался замок Мир – не родовое, а приобретенное имение этого княжеского рода; именно его обитатели выручили Дмитрия Петровича из польского концлагеря.

19 Д. П. Мирский: историк... С. 359.

20 *Mirsky D. S. Russia...* P. 60.

что старобелорусский являлся государственным и что написанный на нем Литовский статут являлся действующим законом с 1529 по 1588 г. «Он – наиболее высокое достижение такого рода, появившееся на русской земле, и, конечно же, наиболее важный белорусский документ», – пишет Святополк-Мирский²¹. Этого никак не стремятся признать нынешние литовцы, в те времена народ с более низким уровнем развития культуры, чем белорусы, правоммерно утверждает он.

В первую очередь Святополк-Мирский упоминает фигуру Ф. Скорины (1490–1551), внесившего культуру книгопечатания через Прагу и Вильно, а также Симеона Полоцкого (1629–1680), который стал «наиболее известным западнорусским ученым в Москве»²². Беда белорусов сводилась к тому, что в ходе постоянных столкновений поляков и русских на их спорной земле полонизация сменялась русификацией, особенно форсированной после 1831 г. И только в конце XIX в. наметились признаки культурного возрождения, связанного с именами М. Богдановича и Янки Купалы. Но только после революции началось формирование национального сознания: в отличие от Украины, «белорусская нация являет собой практически безоговорочный дар русской революции»²³.

Заметка о белорусской литературе дается в «Британской энциклопедии» в статье Святополк-Мирского о литературе русской – ее издатели в 1930-х гг. культуру этого восточнославянского народа не замечали. Ее корни обнаруживаются еще в XIV в., когда старобелорусский язык наряду с латинским стал государственным, но в дальнейшем белорусская литература «не поднималась выше уровня провинциального любительства»²⁴. Белорусский фольклор беднее русского и украинского, в частности, в нем труднее обнаруживаются следы нарративной поэзии, однако в нем полнее сохранились архаические черты, ценимые славистами-этнографами. Святополк-Мирский особо подчеркивает, что в настоящее время и литература, и фольклор интенсивно изучаются в советском Минске, будучи связанными с именем Янки Купалы, который, в свою очередь, воспринял все лучшее от М. Богдановича; перспективы же строительства белорусской государственности оцениваются им позитивно.

21 Ibid.

22 Ibid. P. 85.

23 Ibid. P. 238.

24 Encyclopedia Britannica. London; New York, 1932. Vol. 17. P. 738.

Итак, именно в русле русистики Святополк-Мирский затрагивает проблемы украинистики и – что весьма уникально для англоязычной славистики – белорусистики. При этом внимание к украинской литературе на фоне его анализа политической ситуации на Украине предполагает учет некоторых извивов и перегибов в национальном вопросе относительно Украины. «Перегибом», к примеру, трактовалось предоставление Украине статуса советской республики в союзе с иными республиками, причем так считали не только эмигранты, но и ряд советских политиков. Святополк-Мирский доказательно аргументирует, что именно Ленин настаивал на таком статусе, что считалось шагом правильным. Однако был сделан и следующий «перегиб» – украинизация и белорусизация как наиболее весомые шаги политики коренизации, которая оформлялась с начала 1920-х гг., сворачивалась с 1932 г. и завершилась репрессиями против ее проводников в конце 1930-х гг. Святополк-Мирский описывал коренизацию как раз в те времена, когда соответствующий курс начал сворачиваться. Все же в течение всех 1930-х гг. он придерживался установки на доминирование русского языка и культуры в том, что он назвал «общесоветской» культурой.

Польский вопрос по многим причинам рассматривался Святополк-Мирским гораздо пристальнее. Причинами служили не только его этнические корни, не только «гостеприимство» в концлагерях и даже не только антисоветизм польской элиты как маска ее русофобства, но то, что он именовал «исконной враждой» двух народов и присутим полякам «комплексом превосходства»²⁵. Не проходившие мимо его внимания как (гео)политического мыслителя многие извивы антироссийской политики восстановившейся Польши Святополк-Мирский

25 *Mirsky D. S. Russia...* P. 239. Примечательно, однако, что Святополк-Мирский пришел к евразийству через тоже своего единокровника П. Сувчинского, польского графа со своим гербом. Его жена Вера Гучкова-Сувчинская-Трейл происходила из родовитых старообрядцев, третий муж ее был шотландским коммунистом. Святополк-Мирский, любивший ее, был одновременно князем с польскими этническими корнями и коммунистом с партийным билетом, но на предложение выйти замуж Вера ответила Святополк-Мирскому отрицательно. Сувчинский устремлялся в СССР в 1932 г., но не получил визы, а посетил страну только в 1937 г. Связь Сувчинской-Трейл с советской разведкой доказана, что же касается Святополк-Мирского, то его служение разведке английской не подтверждается.

отыскивал и в далеком прошлом, и в новой истории. Особенно пристально им рассматривались польские влияния в России с начала XVII в. и до конца XVIII в., в частности, влияния через Украину, не завершившиеся и ко времени написания князем-марксистом «Истории русской литературы».

Польский вопрос пунктирно проходит через всю книгу о социальной истории России. В целом «Польша занимает особое место в отношениях России с Западом. Поляки были нашими исконными врагами. Однако присутствие многочисленных по происхождению западнорусских элементов в правящих классах Польши, постоянные (даже являясь враждебными) контакты, некое подобие языков отличают Польшу от остальных латинизированных наций... Все же латинский католицизм воздвигает непреодолимый барьер между двумя народами»²⁶.

Так было до Петра, когда наблюдались некие зародыши того, что именовалось польской партией; упоминается и наиболее яркая ее фигура начала XVII в. – М. Салтыков. «Смещение Софии юным Петром повлекло за собой православную реакцию. Она сдержала волну украинского и католического влияния, но тем самым только открыла двери немцам и протестантам. Волна европеизации продолжилась, и ничто не могло ее остановить»²⁷. Правда, трудно совместить это утверждение с констатацией в «Истории русской литературы» о доминировании украинских священников в церковной иерархии, но следует помнить, что они были «руско-православнее» самих русских.

Поляки еще в XVIII в. рассматривали русских завоевателей как азиатских варваров, а себя – как авангард европейской цивилизации на Востоке. «После 1831 г., – читаем у Святополк-Мирского, – ненависть к России стала первой добродетелью хорошего поляка, а интеллигенция жила в нереальном мире романтических мечтаний о жертве и возрождении. Все же аристократия продолжала занимать почетные должности в ведомствах, а большое число поляков, особенно в провинциях Украины и Литвы, служило в армии и гражданских ведомствах»²⁸. После 1863 г. такого рода противоречивые неопределенности лишь усугубились.

Новый виток польско-русских отношений Святополк-Мирский рассматривает, анализируя принцип самоопределения наций

26 Д. П. Мирский: историк... С. 159–160.

27 Там же. С. 178.

28 *Mirsky D. S. Russia...* P. 239–240.

и утверждая, что именно Ленин положил конец всем колебаниям, не поддержав «восстановления имперского шовинизма на советской основе»²⁹. Несмотря на все колебания, он поддержал «местных националистов» на Украине и в Белоруссии, тем самым оттолкнул их от Ю. Пилсудского. Тому же удалось захватить ряд местностей, не особо заботясь в дальнейшем относительно национальных устремлений их жителей. Что касается самой Польши, то «агрессия Пилсудского подняла большую волну национализма, которая охватила солдат и даже большое число членов компартии»³⁰. При этом как раз польские олигархи сделали войну национальной, предотвратив тем самым попытки рабочих совершить интернациональный переворот, заключает Святополк-Мирский. И Польша оставалась «исконным врагом» России уже в облинии СССР.

Изложение польского вопроса в его трудах и письмах носит здесь фрагментарный характер; он нуждается в дальнейшем рассмотрении, в первую очередь, в ракурсе осмысляемого Святополк-Мирским противостояния двух цивилизационных начал: православного Востока и католического Запада.

Что касается чехов и словаков, то Святополк-Мирский, в чем-то следуя установкам уважаемого им К. Леонтьева, едва ли не принципиально не обращал на них внимания. Он встречал эмиссаров Масарика в Лондоне, где в Школе славянских исследований на чехословацкие средства создавались исследовательские и образовательные структуры, но возглавляемую им страну и историю ее культуры князь-марксист практически игнорировал. Невозможно найти у него ссылок на труды чешских основателей славянофильства и деятелей чешского национального возрождения. Поразительно отсутствие упоминания труда Масарика «*Душа России*» – фактически первых двух томов «*России и Европы*» на английском языке, выпущенных в Лондоне в 1919 г. (впервые в мире третий том книги появился здесь же в 1967 г., лишь в 1995 г. он вышел на чешском, а в 2003 г. на русском языках). Если учесть, что сам Масарик открывал Школу, что чехословацкое правительство частично финансировало ее работу, что он непосредственно встречался с преподавателями-чехами в ней, то это тем более удивительно. Не отслежено и его отношение к Русской акции, а ведь в ее ходе поддержку получал цвет эмигрантской интеллектуальной элиты России, включая друзей Святополк-Мирского.

29 *Mirsky D. S. Lenin: Makers of the Modern Age. London, 1931. P. 169.*

30 *Ibid. P. 170.*

А по прочтении его книги о социальной истории России создается впечатление, что он так и не «простил» чехам того, что они отвергли попытки христианизации страны в духе Кирилла и Мефодия и поддались немецким влияниям. Так, в ней словаки упоминаются дважды, а чехи лишь один раз. Правда, Святополк-Мирский упоминает моравян, замечая, что они сначала затребовали перевод Библии на свой язык, но по требованию короля затем оказались от него³¹. Но более существенным оказалось следующее: «Чехи, поляки и другие северославянские племена были латинизированы под влиянием немецких соседей»³². Что касается языка этих племен, то, по его мнению, лишь в словацком сохранились многие элементы, похожие на древнерусский, да и в настоящее время в наибольшей мере близок к языку русскому язык словаков³³.

Связи с Прагой у Святополк-Мирского, конечно же, были, следил он и за чешской литературой, следы чего обнаруживаются в его литературно-критических статьях и рецензиях, а также в письмах. Так, он вел переписку с находившимися в Праге евразийцами, особо подчеркивая опору в своих работах на труды по языкознанию Трубецкого и по географии Савицкого; рецензировал изданные в Праге работы при участии П. Богатырева, А. Кондакова и Н. Мельниковой-Папоушек (переводчицы ряда работ Масарика на русский)³⁴; обозревал такие выходившие в Праге журналы и альманахи, как «Воля России», «Русская мысль», «Записки наблюдателя»³⁵ и др. Из числа писателей прошлого и настоящего его внимания удостоился лишь Я. Гашек – «знаменитый чешский юморист»³⁶; но ни великие славянофилы, ни будители, ни австрослависты им не упоминаются.

В целом, выражая свое отношение к западнославянским влияниям в новейшей истории, Святополк-Мирский еще в 1923 г. писал: «Имя чехов вызывает исключительную ненависть от Волги до Тихого океана... Во время войны с Польшей в армии произошел подлинный национальный переворот, и отношение Врангеля к Польше не сделало его более популярным»³⁷. Еще в одной статье уже 1927 г. он как бы повторил

31 *Mirsky D. S. Russia...* P. 51.

32 *Ibid.* P. 25.

33 *Ibid.* P. 27.

34 Д. П. Мирский: историк...С. 353, 532 и др.

35 Там же. С. 534.

36 Там же. С. 221.

37 Там же. С. 377.

данное утверждение, правда, не упоминая чехов: «Глубокое культурное различие между Россией и Польшей нельзя приуменьшать (и во все времена поляки были последними, кто это делал)»³⁸. При этом ключевую роль в его сохранении играл религиозный фактор.

Таким образом, при рассмотрении мыслей Святополк-Мирского относительно культуры и судеб западнославянских народов весьма красноречивым предстают постоянные упоминания поляков-католиков – при почти полном игнорировании атеистов-чехов. Конечно, в Польше он побывал, ее культуру знал, с некоторыми поляками дружил, но это не объясняет того, почему он совершенно не замечал Чехии, а затем Чехословакии.

Южные славяне также не удостоились в его трудах большого внимания. В поствизантийские времена, констатирует Святополк-Мирский, «южные славяне вместе с греками, албанцами и румынами создали культурную провинцию, частично византийскую, частично латинизированную»³⁹. При этом если церковнославянский язык, коренящийся в языке македонских славян, выступил орудием некоего культурного порыва практически для всех славян в раннем средневековье, то языки литературные у южных славян формировались позже и с большими трудностями из-за давления ислама. Так, «многие южнославянские земли без какой-либо литературной поэзии оставались до XIX в.»⁴⁰. Что касается югославянских социальных институтов, то они скорее балканские, а не славянские. И все же «христианство на Русь шло через южных славян»⁴¹, а это значит, что влияние письменности, в первую очередь сербов и болгар, отслеживается в домонгольский и начальный послемонгольский периоды постоянно. Столь же постоянно прибывавшие оттуда духовные лица предупреждали, чтобы Русь не повторяла судьбу «испытавшей поражение Болгарии»⁴².

Болгар он характеризует в наибольшей мере в связи с тем, какое влияние они оказывали на историю и культуру России. При этом он внимательно отслеживает их этногенез, напоминая, что болгары стали точкой кристаллизации славянских племен после того, как прибыли на приграничные земли Византии из Волжской Булгарии.

38 Там же. С. 377.

39 *Mirsky D. S. Russia...* P. 25.

40 *Ibid.* P. 86.

41 *Ibid.* P. 51.

42 *Ibid.* P. 38.

Святополк-Мирский следил за судьбой Г. Димитрова, подчеркивая, что этот «герой нового мира непосредственно сведен с монстрами старого – Герингом и Геббельсом»⁴³.

Из других югославян примечательно упоминание о македонском происхождении Кирилла и Мефодия, которые первыми начали христианизировать славянские народы, включая мораван – предков нынешних чехов, попавших позже под католическое влияние. Внедренный ими церковнославянский язык стал первым литературным для многих народов и сохранял свое присутствие в их литературе вплоть до настоящего времени, считал Святополк-Мирский. «Они изобрели славянский алфавит, который французский филолог А. Мейе признавал истинным шедевром фонетической точности и адаптации»⁴⁴. Это обстоятельство и способствовало тому, что данный язык стал в чем-то общеславянским и пребывал таковым до усиления немецких и латинских влияний на ряд народов, в первую очередь западнославянских, а также двух южнославянских – хорватского и словенского.

В монографии о социальной истории России редко упоминались сербы, однако подчеркивалось, что с XIV в. началась миграция в Россию сербского духовенства – наряду с болгарским: «Их влияние на русскую культуру было глубоко и повсеместно»⁴⁵. Высоты эта волна достигла при сербе Киприане, ставшем митрополитом Московским (1390–1406). Он во многом ответствен за введение той части церковной риторики, которая именовалась «плетением словес»⁴⁶. Отмечалось, что южные славяне прибывали в Россию через Молдову и Украину. Особо подчеркивается, что как раз через Украину шли болгары и сербы, укреплявшие православие, а затем этот поток сместился в обратном направлении.

Эту реплику следует помнить при рассмотрении его работ, которые могут выглядеть едва ли не как апологетический анализ польских и украинских культурных влияний, за что Святополк-Мирский подвергся нападкам, в частности, со стороны П. Струве, обвинявшего его едва ли не в полоно- и украинофильстве. Особенно это касается знаменитой и вызывавшей всеобщий гнев эмигрантов таблицы⁴⁷ в книге о социальной истории России, где выделены колонки под названием

43 *Mirsky D. S. Lenin...* P. 329.

44 *Ibid.* P. 85.

45 *Ibid.* P. 114.

46 *Ibid.* P. 95.

47 *Ibid.* P. 289–295.

«Великороссия» и «Украина». Все же приведенные во второй колонке события и лица берутся в ракурсе или культурного сближения Украины с Россией, или подчинения первой началам общерусскости – вплоть до «общесоветскости». Культурные влияния были, но вот религиозные встречали сопротивление не только в России, но также на Украине и в Белоруссии – их население так и не приняло целиком Брестскую унию.

В целом славянский вопрос в творчестве Святополк-Мирского не занимает первые места; в этом плане он следует отмеченной нами традиции попадания его в некое «слепое пятно», что было свойственно всем евразийцам. Отсюда большой удельный вес русистики в его славистике, что особо характерно для его варианта истории русской литературы, научный потенциал которой до сих пор полноценно не востребован.

Взгляды его как (гео)политического мыслителя и исследователя культуры и литературы других славянских народов представлены неравномерно: так, о поляках говорится очень много, а о южных славянах почти ничего, но все же при их изучении обнаруживаются не только меткие наблюдения, но и оригинальные мысли. Поэтому далеко не лишне рассмотреть и оценить его наследие как (гео)политического мыслителя и исследователя культуры и литературы других славянских народов.

Источники и литература

Абрамов М. А., Лаврик Э. Г., Малевич О. М. Томаш Гарриг Масарик: жизнь, дело, учение // Масарик Т. Г. Россия и Европа. СПб.: РХГИ, 2004. Т. 2. 720 с.

Д. П. Святополк-Мирский: историк и исторический публицист // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. Вып. 5. 2014–2015. М., 2015. 837 с.

Ефимов М., Смит Дж. Святополк-Мирский. М.: Молодая гвардия, 2021. 704 с.

Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / пер. с англ. Р. Зерновой. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. 882 с.

Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск: Изд-во «Свиныйн и сыновья», 2005. 964 с.

Encyclopedia Britannica. London; New York, 1932. Vol. 17. 1223 p.

Encyclopedia Britannica. London; New York, 1932. Vol. 22. 1112 p.

Mirsky D. S. Russia: A Social History. London: The Cresset Press. 1931. 363 p.

Mirsky D. S. Contemporary Russian Literature, 1881–1925. London:

George Routledge & sons, Ltd., 1926.

Mirsky D. S. A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky. (1881). London: George Routledge & sons, Ltd., 1927. 388 p.

Mirsky D. S. Lenin: Makers of the Modern Age. London: Holme Press, 1931. 236 p.

References

Abramov, M. A., Lavrik, E. G., Malevich, O. M. “Tomash Garrigh Masaryk: zhizn', delo, uchenie.” Masaryk T. G. *Rossiiia i Evropa.* Vol. 2. St Petersburg: RHGI, 2004, 720 p.

“D. P. Sviatopolk-Mirskii: istorik i istoricheskii publitsist.” *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia im. Aleksandra Solzhenitsyna.* 2014–2015. Moscow, 2015, 837 p.

Efimov, M., Smit, Dzh. *Sviatopolk-Mirskij.* Moscow: Molodaia gvardiia, 2021, 704 p.

Encyclopedia Britannica. Vol. 17. London; New York, 1932, 1223 p.

Encyclopedia Britannica. Vol. 22. London; New York, 1932, 1112 p.

Mirsky, D. S. *Russia: A Social History.* London: The Cresset Press, 1931, 363 p.

Mirsky, D. S. *Contemporary Russian Literature, 1881–1925.* London: George Routledge & sons, Ltd., 1926, 372 p.

Mirsky, D. S. *A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky.* (1881). London: George Routledge & sons, Ltd., 1927, 388 p.

Mirsky, D. S. *Lenin: Makers of the Modern Age.* London: Holme Press, 1931, 236 p.

Sviatopolk-Mirskij, D. S. *Istoriia russkoi literatury s drevnejshikh vremen do 1925 goda,* translated by R. Zernova. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992, 882 p.

Sviatopolk-Mirskij, D. S. *Istoriia russkoi literatury s drevnejshikh vremen po 1925 god,* translated by R. Zernova. Novosibirsk: Izdatel'stvo “Svin'in i synov'ia”, 2005, 964 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.17

E. G. Zadorozhnyuk

D. P. Svyatopolk-Mirsky on Slavs

Ella G. Zadorozhnyuk

Doctor of History, chief research fellow, head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: elzador46@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2328-810X

Citation

Zadorozhnyuk E. G. D. P. Svyatopolk-Mirsky on Slavs // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 313–333 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.17

Received: 13.05.2023.

Revised: 30.08.2023.

Accepted: 12.03.2024.

Annotation

The article highlights the place of the Slavs in the work of D. P. Svyatopolk-Mirsky, first a Eurasianist and then a Marxist. The key role of Russian studies in his Slavic studies is noted. It is argued that the vast majority of Svyatopolk-Mirsky's thoughts and assessments regarding the history of Russian literature have not yet been fully studied. Significant results on Ukrainian studies were presented in his articles of the 1920s and in an article in the *Encyclopedia Britannica*; Svyatopolk-Mirsky was one of the first to highlight the problems of Belarusian studies there. His legacy as a (geo)political thinker and researcher of culture and literature of other Slavic peoples, though unevenly represented throughout his body of work, is considered and evaluated: for example, a lot has been written by Svyatopolk-Mirsky about the Poles, and almost nothing about the southern Slavs, but still, when considering them, one can find not only accurate observations and assessments, but also original ideas.

Keywords

D. P. Svyatopolk-Mirsky, Russian studies, Slavic question, history of Russian literature, Ukrainian studies, Belarusian studies, West Slavic peoples, South Slavs, Westernism, "all-Soviet culture", Slavophilism.